

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков

Д.И. Дубров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
 ddubrov@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Представители подрастающего поколения являются наиболее активными пользователями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в особенности интернета. Однако чрезмерное использование данных технологий может привести к цифровой зависимости, которая, в свою очередь, связана с рядом негативных последствий (уход из школы, проблемы с обучением и успеваемостью, социальным взаимодействием и т.д.), в том числе и с агрессией. Неслучайно участились случаи, когда подростки проявляют агрессию по отношению к людям, животным, которые не могут дать им отпор, снимают данные сцены на видео, а затем размещают их на популярных видеохостингах и сообществах в социальных сетях в интернете.

Цель. Исследование взаимосвязи между использованием ИКТ, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков.

Дизайн исследования. Исследование эффектов в ходе регрессионного анализа между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессией подростков осуществлялось с помощью анализа модерации. Для того, чтобы повысить достоверность полученных результатов, нами была произведена очистка данных от побочных переменных, которые могли оказать влияние на результаты (уровень образования, религиозности, возраст, этническая и религиозная принадлежность, пол).

Участники. Для проверки эффектов между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессией подростков проводилось анкетирование подростков ($N = 237$) из разных регионов Российской Федерации. Из них 108 человек мужского пола и 129 человек женского пола от 14 до 16 лет ($M = 15$; $SD = 1,31$).

Методы (инструменты). Методика оценки вовлеченности в использование ИКТ (А.Н. Татарко с коллегами). Методика диагностики интернет-зависимости (В.Л. Малыгин). Методика оценки социального капитала (А.Н. Татарко с коллегами).

© Дубров Д.И., 2025

CC BY-NC

тодика оценки внутрисемейного социального капитала (Д.И. Дубров). Методика оценки агрессивности Басса-Дарки (адаптация П.А. Ковалева).

Результаты. Регрессионный анализ прямых эффектов показал, что использование ИКТ значимо предсказывает подростковую агрессивность. Модерационный анализ непрямых эффектов показал, что внутрисемейный социальный капитал является значимым модератором связи между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Выводы. Высокий уровень внутрисемейного социального капитала способен нивелировать связи между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании ИКТ они не будут проявлять агрессию.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровые технологии, внутрисемейный социальный капитал, детско-родительские отношения, подростковая агрессивность

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

Для цитирования: Дубров, Д.И. (2025). Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. *Социальная психология и общество*, 16(2), 43–60. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>

The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents

D.I. Dubrov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
 ddubrov@hse.ru

Abstract

Context and relevance. The younger generation are the most active users of ICT, especially the Internet. However, excessive use of these technologies can lead to digital addiction, which in turn is associated with a number of negative consequences (leaving school, problems with learning and academic performance, social interaction, etc.), including aggression. Adolescents demonstrate aggression to people, animals who cannot fight back, shoot these scenes on video, and then post them on popular video hosting and social media communities on the Internet.

Objective. The study of the relationship between the use of ICT, family social capital and the aggressiveness among adolescents.

Study design. The study of the effects in the course of regression analysis between the use of ICT (the use of ICT, excessive use of ICT – obsessive use of the Internet), family social capital and aggressiveness among adolescents to we used moderation analysis. In order to increase the

reliability of the results we obtained, we cleaned the data from side variables that may affect the results (level of education, religiosity, age, ethnicity and religious affiliation, gender).

Participants. *To test the effects between the use of ICT (ICT, excessive use of ICT – obsessive use of the Internet), family social capital and the propensity of adolescents to cruelty, we surveyed 237 adolescents from different regions of the Russian Federation. Of these, 108 are male and 129 are female from 14 to 16 years old ($M = 15$; $SD = 1,31$).*

Measurements. *Methodology for assessing involvement in the use of ICT (A.N. Tatarko with colleagues). Methods for diagnosing Internet addiction (V.L. Malygin). Methodology for assessing family social capital (D.I. Dubrov). Methodology for assessing aggressiveness by Buss & Durkee (adapted to Russian by P.A. Kovalev).*

Results. *Regression analysis of direct effects showed that the use of ICT significantly predicts adolescent aggressiveness. Moderation analysis of indirect effects showed that family social capital is a significant moderator of the relationship between the use of ICT and adolescent aggressiveness.*

Conclusions. *High level of family social capital is able to neutralize the links between the use of ICT and adolescent aggressiveness, making them insignificant. If adolescents feel that their relationship with their parents is trusting, with emotional warmth, and they can always count on parental attention and support and are ready to provide it to their parents themselves, then even with excessive use of ICT, they will not demonstrate aggression.*

Keywords: *information and communication technologies, digital technologies, family social capital, child-parent relations, adolescent aggressiveness*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

For citation: Dubrov, D.I. (2025). The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents. *Social Psychology and Society*, 16(2), 43–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>

Введение

Агрессивное поведение является распространенным явлением в раннем и подростковом возрасте, но в то же время оно является причиной многих негативных последствий в этот возрастной период. Подростковая агрессия связана и с последующими разнообразными негативными последствиями во взрослой жизни, включая низкий социально-экономический статус и безработицу, преступное поведение и социальную изоляцию. Огромная неоднородность агрессивного поведения все еще препятствует нашему пониманию причинно-следственных механизмов.

В данной части работы мы попытаемся рассмотреть роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и семьи, связанных с агрессивным поведением молодых людей.

Агрессия обычно определяется как стиль поведения, направленный на преднамеренное причинение вреда другим людям или объектам (Mishna et al., 2012). В определенных ситуациях агрессия рассматривается как адаптивная функция, позволяющая индивиду совладать с негативными факторами. Однако она становится неадаптивной, если выходит за грани нормы, когда серьезно и часто на-

рушаются правила, ограничивающие ее (Haller et al., 2005).

В рамках данного исследования мы остановимся на агрессии, которая связана с причинением подростками физического и морального вреда.

Однако приходится констатировать, что количество опубликованных исследований на эту тему ограничено. Проведенные исследования в основном изучали взаимосвязь между социально-демографическими переменными (пол и возраст), использованием ИКТ и агрессией среди подростков. Было установлено, что наибольшая связь между использованием ИКТ и агрессией среди подростков наблюдается в старшем подростковом возрасте (15–17 лет). Исследователи объясняли полученную взаимосвязь особенностями данного возрастного периода, когда происходят активное половое созревание, гормональная перестройка организма с неравномерностью физического и психического развития (Ciucci, Baroncelli, 2014; Del Rey et al., 2016; Festl, Scharkow, Quandt, 2015; Mishna et al., 2012).

Также проводились исследования по изучению непосредственного влияния использования ИКТ (в частности, интернета) на агрессию среди подростков. Так, было установлено, что чем больше времени (часов в день) подростки проводят в интернете, тем больше вероятность того, что они будут проявлять агрессию к окружающим (Kraut et al., 2002). В частности, с этим связана частота онлайн-общения и использования социальных сетей (Lee, Shin, 2017; Sticca et al., 2013). Кроме того, связь между использованием ИКТ и агрессией может возникнуть, если подросток подвергся агрессии, травли в Сети, то есть стал жертвой кибербул-

линга (Beran et al., 2015; Festl, Scharkow, Quandt, 2015; Kowalski et al., 2014).

Кроме того, как отмечают исследователи, связь между использованием ИКТ и агрессией может наблюдаться среди тех подростков, у кого имеются дружеские контакты (в том числе онлайн) с агрессивными подростками. Это увеличивает вероятность совершения противоправных действий, в том числе и в Сети (Criss et al., 2016; Cutrín, Gómez-Fraguela, Luengo, 2015).

Немаловажным фактором связи использования ИКТ и подростковой агрессивности являются взаимоотношения подростков с родителями, а именно – стили родительского воспитания. Данные стили воспитания выделяются по двум измерениям: степени контроля и принятия (Maccoby, Martin, 1983).

На рис. 1 наглядно представлены выведенные стили по данным измерениям.

Если родители проявляют высокую степень контроля и принятия по отношению к своим детям, то речь идет об авторитетном стиле родительского воспитания. Отношения между родителями и детьми строятся на балансе эмоциональной близости и теплоты, с одной стороны, и контроля, поддержания дисциплины – с другой. Данный баланс удается достигнуть за счет субъектности в отношениях, когда родители и ребенок взаимодействуют как субъекты (на равных), и доверия. У родителей, которые используют данный стиль в воспитании своих детей, высокий уровень эмпатии, что помогает им при данном типе взаимодействия. Данный стиль воспитания связан с рядом позитивных последствий для психологического благополучия детей, воспитывающихся в таких семьях.

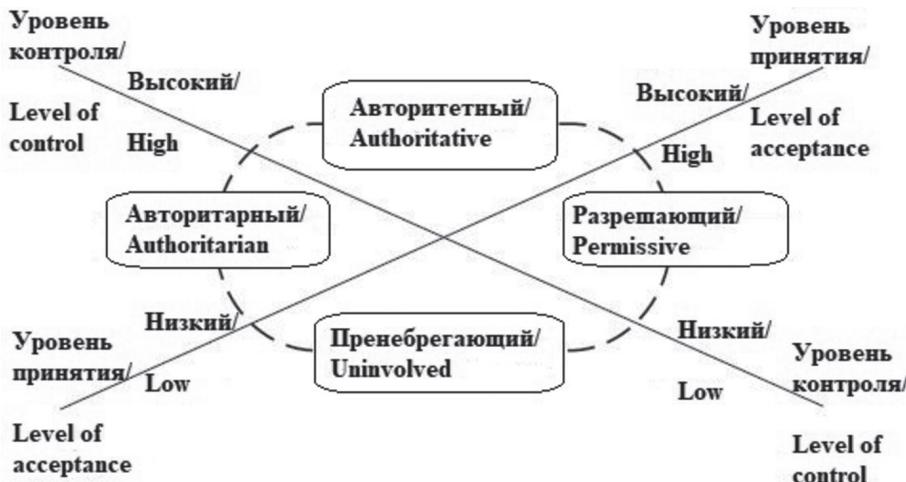

Рис. 1. Стили родительского воспитания
Fig. 1. Parenting styles

Если родители проявляют высокую степень контроля и низкую степень принятия по отношению к своим детям, то речь идет об авторитарном стиле родительского воспитания. Отношения между родителями и детьми строятся на высокой степени контроля и часто суровых наказаниях в случае проступков. В этом случае дети видят и испытывают на себе различные формы агрессии (от словесной до физической). В результате воспитания в такой среде дети учатся решать проблемы, связанные с удовлетворением потребностей или же при переживании чувства фruстрации, с помощью применения агрессии. А в том случае, если родительская агрессия воспринималась ими как угрожающая, то они с большой вероятностью могут перенести ее на окружающих, тех, кто не сможет постоять за себя, как они сами в ситуациях агрессии родителей по отношению к ним оказывались беззащитными (Huesmann, Dubow, Boxer,

2009). Именно данный стиль родительского воспитания наиболее связан с развитием подростковой агрессии.

Если родители проявляют низкую степень контроля и высокую степень принятия по отношению к своим детям, то речь идет о разрешающем (или попустительском) стиле родительского воспитания. Родители проявляют высокую степень эмоционального принятия и теплоты по отношению к своим детям, но в то же время практически не занимаются их воспитанием, не готовят их к полноценной жизни в социуме. В итоге для детей родители перестают быть авторитетной фигурой, чьи модели поведения можно было бы перенять, поэтому они, тем более в отсутствии контроля, могут попасть под негативное влияние сверстников или ИКТ, которые они также могут использовать бесконтрольно. Это, вероятно, приводит к проявлению агрессии в подростковом периоде.

Если родители проявляют низкую степень контроля и принятия по отношению к своим детям, то речь идет о пренебрегающем стиле родительского воспитания. Родители совершенно не занимаются воспитанием своих детей. В таких семьях дети предоставлены сами себе. Как правило, это семьи социально неблагополучные, в которых родители страдают алкоголизмом и/или наркоманией. Нередко дети в подобных семьях становятся свидетелями и жертвами насилия и агрессии со стороны родителей или посторонних лиц, находящихся в месте проживания семьи. Все это остается в сознании подростков и при определенных условиях (например, жестокость, демонстрируемая средствами ИКТ) может актуализироваться в реальной жизни.

Таким образом, как видно из описания выше, отношения в семье имеют важное значение для подростковой агрессивности и использования ИКТ. Однако рассмотренная теория подвергалась критике ввиду ограниченности двух выделенных измерений, на основе которых выводились стили родительского воспитания. По мнению критиков, детско-родительские отношения не могут ограничиваться данными двумя измерениями. Данные отношения основываются на целом спектре психологических переменных, которые необходимо учитывать, особенно доверие и ресурсную составляющую данных отношений. Для преодоления вышеуказанных ограничений в рамках теории социального капитала был разработан специальный конструкт, отражающий степень доверия, эмоциональной теплоты и взаимной поддержки между родителями и детьми – внутрисемейный социальный капитал (ВСК). Данный вид социального капитала

представляет собой «целостную реципрокную систему детско-родительских социально-психологических отношений, составляющую ресурс, в структуру которой входят следующие виды отношений между родителями и детьми: взаимное доверие, психологическая близость родителей и детей, внимание родителей к ребенку, взаимная поддержка» (Дубров, 2019, с. 1). Ранее нами было установлено, что ВСК является основой субъективного благополучия подростков (Дубров, 2016). Благодаря данному ресурсу дети эффективнее преодолевают стрессы и проблемы, что позитивно отражается на их академической успеваемости и физическом здоровье (Shahidul, Zehadul, Mustari, 2015). Однако в последних проведенных исследованиях отмечается, что чрезмерное использование ИКТ негативно влияет на ресурсность детско-родительских отношений, что приводит к подростковой агрессивности (Fumero et al., 2018; George, Odgers, 2015; Kim, 2013; Kraut et al., 1998). Но и здесь не наблюдается однородности в полученных результатах. Существуют исследования, в которых использование ИКТ, наоборот, связано с укреплением детско-родительских отношений, и использование ИКТ, в том числе игр с элементами жестокости, не связано с развитием подростковой агрессивности в реальной жизни (Davis, 2013; Enevold, 2012; Jacobsen, Forste, 2001; Przybylski, Weinstein, 2017). Возможно, в данных семьях был высокий уровень ВСК и поэтому связь использования ИКТ и подростковой агрессивности оказалась незначимой. Однако в данных исследованиях это не проверялось (Kraut et al., 2002; Lee, 2009; Valkenburg, Peter, 2007; Walther, 1996). В данной работе мы предпримем попыт-

ку восполнить вышеуказанный пробел и проверить следующие гипотезы:

Гипотеза 1: использование ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета) положительно связано с агрессивностью подростков.

Гипотеза 2: ВСК является значимым модератором связи между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета) и агрессивностью подростков.

Метод

Схема проведения исследования.

Сбор данных осуществлялся на базе электронной платформы для проведения опросов и сбора данных «Анкетолог». Распространение ссылки на анкету осуществлялось методом «снежного кома» на интернет-форумах и в сообществах социальных сетей, которые посещают подростки. Предложение распространить опросник среди знакомых и друзей размещалось в конце основного описания анкеты и в самом конце опросника. Участникам исследования сообщалось, что их участие в анкетировании полностью добровольно и анонимно, то есть никто не сможет их идентифицировать, а полученные данные используются в обобщенном виде. Мы не предлагали участникам исследования какого-либо поощрения за заполнение анкеты.

Выборка исследования (размер, репрезентативность, процедура формирования). Для проверки эффектов между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью проводилось

анкетирование подростков из разных регионов Российской Федерации в количестве 237 человек. Из них 108 человек мужского пола и 129 человек женского пола. Средний возраст подростков составил 15 лет при среднем отклонении 1,31.

Методики исследования. Использование ИКТ. Данный конструкт измерялся методикой оценки вовлеченности в использование ИКТ (А.Н. Татарко с коллегами) (Татарко и др., 2020). Участники опроса оценивали, как часто они пользовались средствами ИКТ в своей каждодневной жизни по 5-балльной шкале (1 – никогда; 5 – ежедневно). Например, «Ведете ли Вы свой блог (дневник) в интернете?»

Навязчивое использование интернета. Данный конструкт измерялся методикой диагностики интернет-зависимости (В.Л. Малыгин) (Малыгин, 2011). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 26 утверждений характеризуют их по 4-балльной шкале (1 – не подходит совсем; 4 – подходит полностью). Например, «Я замечаю, что все больше и больше времени провожу в Сети».

Внутрисемейный социальный капитал. Данный конструкт измерялся методикой оценки ВСК (Д.И. Дубров) (Дубров, 2016). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 24 утверждения характеризуют их отношения в семье по 6-балльной шкале (1 – не согласен совсем; 6 – согласен полностью). Например, «Я полностью доверяю мнению своих родителей».

Агрессивность подростков. Данный конструкт среди подростков измерялся методикой оценки агрессивности Басса-Дарки (адаптация П.А. Ковалева) (Методы психологической диагностики..., 2016). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 40 утверждений характеризу-

ют их по 5-балльной шкале (1 – не согласен совсем; 5 – согласен полностью). Например, «Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другому».

Все используемые шкалы демонстрировали высокий уровень внутренней согласованности ($\alpha > 0,77$).

Для исключения влияния побочных переменных на результаты исследования мы просили участников указать их уровень образования, религиозности, возраст, этническую и религиозную принадлежность, пол.

Результаты

В таблице представлены данные описательных статистик изучаемых переменных.

В целом (см. таблицу) опрошенные подростки демонстрируют достаточно высокий уровень использования ИКТ. Это означает, что многие из опрошенных подростков подвержены чрезмерному использованию ИКТ и навязчивому использованию интернета. При этом по переменной «Использование ИКТ» наблюдается средний показатель. Объяснить это можно тем, что в своей жизни подростки используют мобильные телефоны для выхода в интернет в развлекательных целях (Wang et al., 2020).

Кроме того, большая часть нашего опроса проходила в период режима самоизоляции и удаленной работы ввиду пандемии COVID-19, поэтому повышенное использование ИКТ может не так проявляться в период отсутствия пандемии, что может явиться ограничением данного исследования. Если посмотреть по вопросам, входящим в шкалы по данной переменной, то они были об использовании мобильного телефона и других ИКТ.

Что касается ВСК, то здесь мы видим, что подростки, участвовавшие в исследовании, оценивали ВСК как средний. Наименьшую оценку получило воспринимаемое доверие в семье, а наибольшую – родительская поддержка. Однако согласно стандартному отклонению данная оценка недостаточно однородна.

Высокие значения можно заметить по подростковой агрессивности. Но и по этой переменной согласно стандартному отклонению данные неоднородны.

Теперь перейдем к результатам регрессионного анализа связи между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемей-

Описательные статистики использования ИКТ, навязчивого использования интернета, чрезмерного использования ИКТ, ВСК, агрессивности (N = 237)
Descriptive statistics on ICT use, Internet addiction, excessive use of ICT, FSC, aggressiveness (N = 237)

Изучаемые переменные / Variables studied	<i>M</i>	<i>SD</i>
Использование ИКТ / ICT use	3,98	0,65
Навязчивое использование интернета / Internet addiction	3,57	0,76
Чрезмерное использование ИКТ / Excessive use of ICT	3,69	1,04
ВСК / FSC	4,32	1,01
Агрессивность / Aggressiveness	3,34	1,24

ным социальным капиталом и агрессивностью подростков.

Рассмотрим модерационные эффекты связи между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. На рис. 2 изображен модерационный эффект ВСК на связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 2, прямой эффект использования ИКТ на подростковую агрессивность показывает, что чем выше использование ИКТ, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,20$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 13% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 3.

На рис. 3 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК,

тем связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, использование ИКТ менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при активном использовании ИКТ.

На рис. 4 изображен модерационный эффект ВСК на связь между чрезмерным использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 4, прямой эффект чрезмерного использования ИКТ на подростковую агрессивность показывает, что чем выше использование ИКТ, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,48$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 35% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 5.

На рис. 5 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между чрезмерным

Рис. 2. ВСК как модератор связи использования ИКТ и агрессивности подростков
Fig. 2. FSC as a moderator of the relationship between ICT use and adolescent aggressiveness

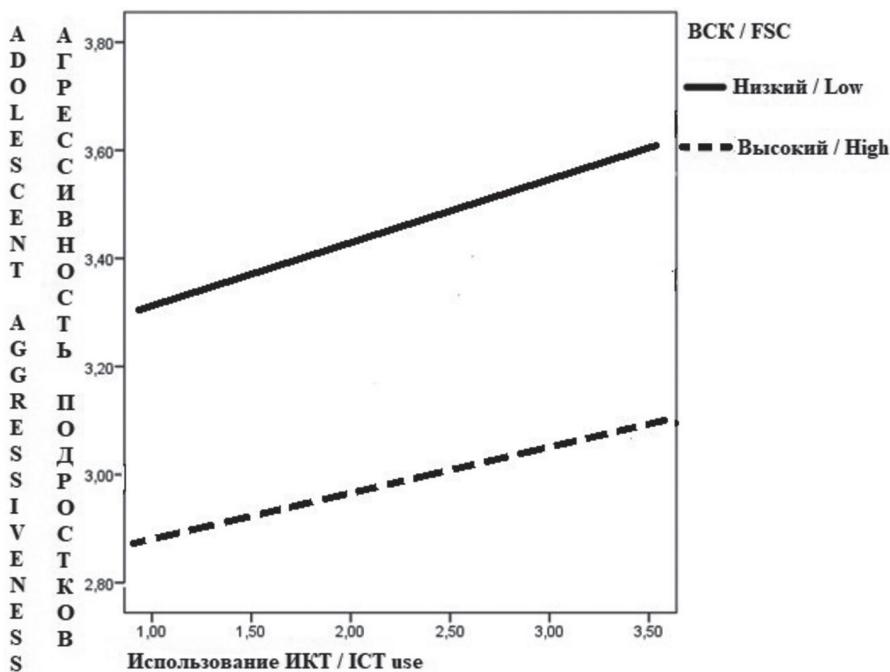

Рис. 3. Интеракция между уровнем ВСК и использованием ИКТ при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 3. The interaction between the level of FSC and ICT use in predicting adolescent aggression

Рис. 4. ВСК как модератор связи чрезмерного использования ИКТ
 и агрессивности подростков

Fig. 4. FSK as a moderator of the relationship between excessive use of ICT
 and adolescent aggressiveness

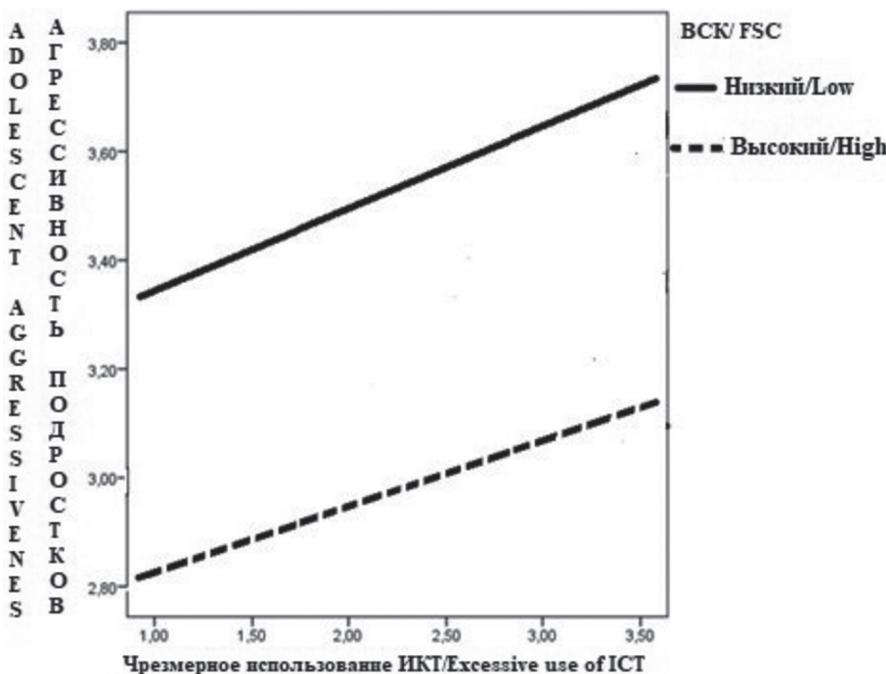

Рис. 5. Интеракция между уровнем ВСК и чрезмерным использованием ИКТ
при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 5. The interaction between the level of FSC and excessive use of ICT
in predicting adolescent aggression

использованием ИКТ и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК, тем связь между чрезмерным использованием ИКТ и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, чрезмерное использование ИКТ менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при чрезмерном использовании ИКТ подростками.

На рис. 6 изображен модерационный эффект ВСК на связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 6, прямой эффект навязчивого использования интернета на подростковую агрессивность показывает, что чем выше значения по данной переменной, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,54$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 42% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 7.

Рис. 6. ВСК как модератор связи навязчивого использования интернета и агрессивности подростков

Fig. 6. FSK as a moderator of the relationship between obsessive Internet use and adolescent aggressiveness

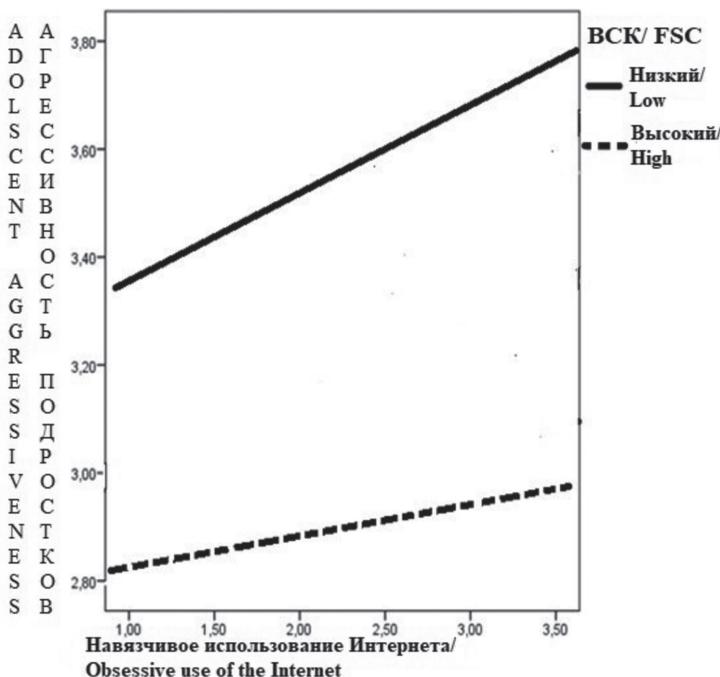

Рис. 7. Интеракция между уровнем ВСК и навязчивым использованием интернета при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 7. The interaction between the level of FSK and obsessive Internet use in predicting adolescent aggression

На рис. 7 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК, тем связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, навязчивое использование интернета менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при навязчивом использовании интернета подростками.

Обсуждение результатов

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что опрошенные подростки активно используют ИКТ и подвержены чрезмерному и навязчивому использованию ИКТ, в частности интернета. Это объясняется тем, что большая часть нашего опроса проходила в период режима самоизоляции и удаленной работы в виду пандемии COVID-19 (Chen et al., 2020). В то время население нашей страны вынуждено было активно использовать ИКТ для выполнения своих профессиональных обязанностей или прохождения обучения, используя данные технологии. Кроме этого, возросшая частота использования ИКТ связана с тем, что и для выполнения повседневных обязанностей (например, совершение покупок в магазине, приобретение лекарственных средств и т.д.) пришлось использовать ИКТ. Возможным другим объяснением может быть то, что в

средствах массовой информации в то время часто демонстрировалась тревожная информация о количестве заразившихся коронавирусной инфекцией, новых летальных случаях, вызванных данным вирусом, что усиливало тревогу и беспокойство среди населения. Поэтому люди стали чаще использовать интернет, чтобы снизить данную тревогу путем переключения на другого рода информацию (например, развлекательные ролики, фильмы, сюжеты и т.д.). Интернет позволяет индивиду выбирать то информационное содержание, которое соотносится с его интересами, задачами и потребностями. Однако, как было установлено исследователями, это может перерастти в цифровую зависимость, когда в сознании индивида, в особенности подростков, устанавливается связь между использованием ИКТ и получением удовольствия, приятными эмоциями. Следовательно, потребность испытать снова данные эмоции и вернуться в данное состояние заставляет подростков вновь и вновь пользоваться ИКТ в целом и интернетом в частности. Еще одной причиной может служить социальная изоляция, вызванная как объективными причинами (например, режим самоизоляции, малонаселенная территория и т.д.), так и субъективными (например, неспособностью устанавливать социальные связи, организовать собственный досуг, низкий родительский контроль и т.д.). В итоге подростки вынуждены проводить значительную часть времени дома, а единственным средством досуга является интернет. При этом значительная часть подростков использует интернет как для игр, которые зачастую носят агрессивный характер (например, шутинги), так и для просмотра видеороликов, которые так-

же могут носить агрессивный характер и провоцировать у них агрессию. Последнее связано с тем, что данное содержание активизирует в сознании подростков паттерны агрессии, которые могут проявиться в их поведении, что соотносится с положениями когнитивно- neoассоциативной теории (Anderson, Bushman, 2002; Collins, Loftus, 1975; Kim, 2013). Неслучайно, согласно полученным нами данным регрессионного анализа, связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью наиболее сильная по сравнению с остальными переменными, связанными с использованием ИКТ. Также подростки проводят много времени в социальных сетях, в которых есть сообщества, в которых не только демонстрируются материалы агрессивного содержания, но и содержатся прямые призывы к применению агрессии для создания новых подобных материалов.

Однако, как мы увидели в результатах анализа непрямых эффектов, высокий уровень ВСК способен нивелировать связи между использованием ИКТ (чрезмерное использование ИКТ, навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании ИКТ они не будут проявлять агрессию. Данные результаты можно объяснить тем, что в подобных семьях подростки не остаются предоставленными сами себе. Родители стараются организовать досуг, который не связан

с использованием ИКТ. Например, совместные прогулки, поделки, общественно-полезная деятельность, организация подвижных и настольных игр и т.д. Таким образом, источником положительных эмоций для подростков становится не только использование ИКТ, но и отношения с близкими, сверстниками в реальной жизни. Поэтому такие подростки менее вероятно будут подвержены цифровой зависимости.

В семьях, в которых наблюдается низкий уровень ВСК, напротив, отношения между родителями и детьми лишены доверия, эмоциональной теплоты. Подростки в таких семьях часто обделены родительским вниманием и поддержкой, поэтому не проявляют поддержки и со своей стороны. Родители не стараются организовывать досуг своих детей, считая, что ИКТ вполне достаточно для этого. В итоге единственным источником положительных эмоций для таких подростков остается ИКТ и цифровой мир, в который они целиком погружаются. При этом наряду с возможным агрессивным содержанием информации, получаемой по средствам ИКТ, подростки могут испытывать эмоциональную депривацию, ощущение «оставленности», «ненужности», отсутствия «жизненной опоры», что активизирует реактивный тип агрессии, который мы рассматривали выше, который может выступать как защитный механизм отставивания своего «Я», права на существование в этом мире, что соотносится с рядом проведенных исследований в этой области (Criss, 2016; Wang et al., 2020).

Выводы

1. Опрошенные подростки демонстрируют высокий уровень использова-

ния информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивности, особенно в период вынужденной социальной изоляции в виду пандемии COVID-19.

2. Регрессионный анализ прямых эффектов показал, что использование информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) значимо предсказывает подростковую агрессивность.

3. Модерационный анализ непрямых эффектов показал, что внутрисемейный социальный капитал является значимым модератором связи между использованием информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрез-

мерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и агрессивностью подростков. Это может означать, что высокий уровень внутрисемейного социального капитала способен нивелировать связи между использованием информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании информационно-коммуникационных технологий они не будут проявлять агрессию.

Список источников / References

1. Дубров, Д.И. (2019). *Внутрисемейный социальный капитал как фактор межпоколенной трансмиссии ценностей: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.
Dubrov, D.I. (2019). *Family social capital as a factor of intergenerational value transmission: PhD thesis*. National Research University Higher School of Economics. Moscow. (In Russ.).
2. Дубров, Д.И. (2016). Внутрисемейный социальный капитал как предиктор субъективного благополучия родителей и подростков. *Казанский педагогический журнал*, 6, 184–190.
Dubrov, D.I. (2016). Family social capital as a predictor of subjective well-being of parents and adolescents. *Kazan pedagogical journal*, 6, 184–190. (In Russ.).
3. Избили, сняли, убежали. *Новое жестокое хобби подростков* (2018). URL: <https://ria.ru/20180904/1527755647.html> (дата обращения: 01.08.2023).
Beaten, filmed, ran away. *A new cruel hobby of teenagers* (2018). URL: <https://ria.ru/20180904/1527755647.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
4. Малыгин, В.Л. (2011). *Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики*. М.: МГМСУ.
Malygin, V.L. (2011). *Internet-dependent behavior. Diagnostic criteria and methods*. Moscow: MGMSU. (In Russ.).
5. Татарко, А.Н., Макласова, Е.В., Лепшокова, З.Х., Галяпина, В.Н., Ефремова, М.В., Дубров, Д.И., Бульцева, М.А., Бушина, Е.В., Миронова, А.А. (2020). Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий. *Социальная психология и общество*, 11(1), 159–179. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110110>

- Tatarko, A.N., Maklasova, E.V., Lepshokova, Z.K., Galyapina, V.N., Efremova, M.V., Dubrov, D.I., Bultseva, M.A., Bushina, E.V., Mironova, A.A. (2020). Assessment methodology of involvement in information and communication technology using. *Social Psychology and Society*, 11(1), 159–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110110>
6. Шипова, Л.В. (Ред.). (2016). *Методы психологической диагностики агрессии и агрессивности школьников: Учебно-методическое пособие*. Саратов.
Shipova, L.V. (Ed.) (2016). *Methods of psychological diagnostics of aggression and aggressiveness of schoolchildren: An educational and methodical manual*. Saratov.
7. Юрьева, Л.Н., Больбот, Т.Ю. (2006). *Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография*. Днепропетровск: Пороги.
Ur'eva, L.N., Bolbot, T.U. (2006). *Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention: Monograph*. Dnepropetrovsk: Porgy. (In Russ.).
8. Anderson, C.A., Bushman, B.J. (2002). Human aggression. *Annual review of psychology*, 53(1), 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
9. Beran, T., Mishna, F., McInroy, L.B., Shariff, S. (2015). Children's experiences of cyberbullying: A Canadian national study. *Children & Schools*, 37(4), 207–214. <https://doi.org/10.1093/cs/cdv024>
10. Chen, F., Zheng, D., Liu, J., Gong, Y., Guan, Z., Lou, D. (2020). Depression and anxiety among adolescents during COVID-19: A cross-sectional study. *Brain, behavior, and immunity*, 88, 36. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.061>
11. Ciucci, E., Baroncelli, A. (2014). Emotion-related personality traits and peer social standing: Unique and interactive effects in cyberbullying behaviors. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(9), 584–590. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0066>
12. Collins, A.M., Loftus, E.F. (1975). A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological review*, 82(6), 407. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.82.6.407>
13. Criss, M.M., Houlberg, B.J., Cui, L., Bosler, C.D., Morris, A.S., Silk, J.S. (2016). Direct and indirect links between peer factors and adolescent adjustment difficulties. *Journal of applied developmental psychology*, 43, 83–90. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2016.02.004>
14. Cutrín, O., Gómez-Fraguela, J.A., Luengo, M. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2015.06.001>
15. Davis, K. (2013). Young people's digital lives: The impact of interpersonal relationships and digital media use on adolescents' sense of identity. *Computers in human behavior*, 29(6), 2281–2293. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.05.022>
16. Del Rey, R., Lazuras, L., Casas, J.A., Barkoukis, V., Ortega-Ruiz, R., Tsorbatzoudis, H. (2016). Does empathy predict (cyber) bullying perpetration, and how do age, gender and nationality affect this relationship? *Learning and Individual Differences*, 45, 275–281. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2015.11.021>
17. Enevold, J. (2012). Domesticating play, designing everyday life: The practice and performance of family, gender and gaming. In *DiGRA Nordic'12: Proceedings of 2012 International DiGRA Nordic Conference. Digital Games Research Association-DiGRA*.
18. Festl, R., Scharkow, M., Quandt, T. (2015). The individual or the group: A multilevel analysis of cyberbullying in school classes. *Human Communication Research*, 41(4), 535–556. <https://doi.org/10.1111/hcre.12056>
19. Fumero, A., Marrero, R.J., Voltes, D., Pe ate, W. (2018). Personal and social factors involved in internet addiction among adolescents: A meta-analysis. *Computers in human behavior*, 86, 387–400. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.005>

20. George, M.J., Odgers, C.L. (2015). Seven fears and the science of how mobile technologies may be influencing adolescents in the digital age. *Perspectives on psychological science*, 10(6), 832–851. <https://doi.org/10.1177/1745691615596788>
21. Haller, J., Mikics, É., Halász, J., Tóth, M. (2005). Mechanisms differentiating normal from abnormal aggression: glucocorticoids and serotonin. *European journal of pharmacology*, 526(1-3), 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.ejphar.2005.09.054>
22. Huesmann, L.R., Dubow, E.F., Boxer, P. (2009). Continuity of aggression from childhood to early adulthood as a predictor of life outcomes: Implications for the adolescent-limited and life-course-persistent models. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*, 35(2), 136–149. <https://doi.org/10.1002/ab.20300>
23. Jacobsen, W.C., Forste, R. (2011). The wired generation: Academic and social outcomes of electronic media use among university students. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 14(5), 275–280. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0135>
24. Kim, K. (2013). Association between Internet overuse and aggression in Korean adolescents. *Pediatrics international*, 55(6), 703–709. <https://doi.org/10.1111/ped.12171>
25. Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140(4), 1073. <https://doi.org/10.1037/a0035618>
26. Kraut, R., Kiesler, S., Boneva, B., Cummings, J., Helgeson, V., Crawford, A. (2002). Internet paradox revisited. *Journal of social issues*, 58(1), 49–74. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00248>
27. Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukophadhyay, T., Scherlis, W. (1998). Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American psychologist*, 53(9), 1017–1031. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.9.1017>
28. Lee, S.J. (2009). Online communication and adolescent social ties: Who benefits more from Internet use? *Journal of Computer-Mediated Communication*, 14(3), 509–531. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01451.x>
29. Lee, C., Shin, N. (2017). Prevalence of cyberbullying and predictors of cyberbullying perpetration among Korean adolescents. *Computers in human behavior*, 68, 352–358. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.11.047>
30. Maccoby, E.E., Martin, J.A. (1983). In Mussen, P.H. (Ed.). *Socialization in the context of the family: Parent-child interaction*. Handbook of child psychology: Formerly Carmichael's manual of child psychology. NY: Wiley.
31. Mishna, F., Khoury-Kassabri, M., Gadalla, T., Daciuk, J. (2012). Risk factors for involvement in cyber bullying: Victims, bullies and bully–victims. *Children and Youth Services Review*, 34(1), 63–70. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2011.08.032>
32. Nagin, D., Tremblay, R.E. (1999). Trajectories of boys' physical aggression, opposition, and hyperactivity on the path to physically violent and nonviolent juvenile delinquency. *Child development*, 70(5), 1181–1196. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00086>
33. Przybylski, A.K., Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the goldilocks hypothesis: quantifying the relations between digital-screen use and the mental well-being of adolescents. *Psychological science*, 28(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>
34. Rice, E., Petering, R., Rhoades, H., Winetrobe, H., Goldbach, J., Plant, A., ... Kordic, T. (2015). Cyberbullying perpetration and victimization among middle-school students. *American journal of public health*, 105(3), e66–e72. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2014.302393>

35. Shahidul, S.M., Karim, A.H.M., Mustari, S. (2015). Social Capital and Educational Aspiration of Students: Does Family Social Capital Affect More Compared to School Social Capital? *International Education Studies*, 8(12), 255–260. <https://doi.org/10.5539/ies.v8n12p255>
36. Sticca, F., Ruggieri, S., Alsaker, F., Perren, S. (2013). Longitudinal risk factors for cyberbullying in adolescence. *Journal of community & applied social psychology*, 23(1), 52–67. <https://doi.org/10.1002/casp.2136>
37. Valkenburg, P.M., Peter, J. (2007). Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus the displacement hypothesis. *Journal of computer-mediated communication*, 12(4), 1169–1182. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00368.x>
38. Walther, J.B. (1996). Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction. *Communication research*, 23(1), 3–43. <https://doi.org/10.1177/009365096023001001>
39. Wang, Y., Gao, J.L., Chen, H., Mao, Y.M., Chen, S.H., Dai, J.M., ... Fu, H. (2020). The relationship between media exposure and mental health problems during COVID-19 outbreak. *Fudan University Journal of Medical Sciences*, 47(2), 173–178. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1672-8467.2020.02.005>

Информация об авторах

Дмитрий Игоревич Дубров, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Information about the authors

Dmitrii I. Dubrov, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.08.2024

Received 2024.08.09.

Поступила после рецензирования 12.11.2024

Revised 2024.11.12.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.